

«Я не умею торговать лицом»

Известия. — 1997. — № 45. — с. 6.

У Баталова расписан весь день и, в придачу, начинается грипп. Помочь ему удалось между визитом в автосервис и съемками: тесная студия REN TV, надрывающийся телефон и негромкий голос актера...

— Вы были любимым ребенком старого МХАТа: ваши родители жили в бывшей подсобке бутафорского цеха, вы играли в театральном дворе. Когда вы, молодой актер хороших театральных кровей, с ролями и перспективой, положили заявление, мхатовские «старики» были оскорблены. В пятидесятые годы из МХАТа не уходили...

— Дело в том, что я знал в этом театре все. Тут не было человека, который бы плохо ко мне относился, тут я еще ребенком начинал рабочим сцены... Судьба была predeterminedena на годы вперед, и от меня требовалось лишь одно — ничего не испортить. Жизнь несла меня, как щепку, до тех пор, пока я не почувствовал, что пора наконец самому принять какое-то решение.

Я так любил МХАТ, что с радостью потратил бы жизнь и на второстепенные роли, но Господь и судьба послали мне кино. Сначала один эпизод, потом другой, потом главная роль в «Матери» Горького... Возникла ситуация, когда совмещать спектакли и съемки я больше не мог: в прежнем МХАТе это не поощрялось. Надо было выбирать между достаточно гипотетической возможностью сделать в кино что-то новое, свое и привычным существованием среди милых мне людей. Я решил испытать судьбу, тем более что меня очень манила кинорежиссура. А вот уж она-то с МХАТом никак не совмещалась.

И я начал жизнь с чистого листа: наново — после Школы-студии МХАТ — учился ремеслу, отказался от московской прописки, уехал в Ленинград... Я знал, что рискую — не было бы у меня ролей, и остался бы я в Питере без работы и без будущего. Но мне повезло. Тогда повезло, а сегодня я не играю, сегодня я как актер закрыт.

— В чем же причина: ушел ваш герой, изменились люди?

— Может быть... Но вернее то, что меня поглотили и съели занятия мелкокалиберной режиссурой, учебные спектакли во ВГИКе, концерты... Все это недорого стоит, играется на никому не известных площадках и в конечном счете проваливается в какую-то яму.

— И все же дело не только в этом. Джигарханян, к примеру, в сегодняшнем кино существует: его крепкие отцы кажутся визитной карточкой обновленной России. А ваши спокойные, интеллигентные герои из современности выпали...

— Я мог бы сыграть бедного, но благородного отца, суперпорядочного, сумасшедшего деда... Мой сегодняшний тип — человек не от мира сего, но кино еще не знает, как им воспользоваться. В жизни такие люди есть, но героями сценариев и пьес они пока не стали.

— И долго не станут: течение сегодняшней жизни определяют не они. Ваш слесарь Гоша из «Москва слезам не верит» был сказочным героем, но похожие на него люди в той, ушедшей жизни встречались, и от них хоть что-то зависело. А в новой России этот человеческий тип стал «навозом истории».

— Когда Гоша появился на свет Божий, ему врезали с двух сторон. Советский рабочий не может выпивать и состоять в разводе; советский рабочий не может читать умные книги и спорить с профессорами. Самое интересное в том, что во ВНИИ были такие рабочие-книгогои, но под утвержденный свыше канон, за который давали премии, они не попадали. Гоша и тогда жил очень скромно. На сцене и на экране было тесно от сталеваров, и тому, кто в свободное от работы время тихо сидел в углу и читал Плутарха, там было не место.

Идеальным воплощением людей, выпавших из жизни, является Федя

Протасов из «Живого трупa». Этот человеческий тип вечен: философия Федя мало чем отличается от жизненной позиции божжа: главное, чтобы я никому не мешал и чтобы меня никто не трогал. Служить пробовал, больше не хочу, в банке работать стыдно...

— Современный Диоген, как и его древнегреческий прототип, тоже часто ночует в бочке. Простите за нескромность, но ведь и вы спрятались от сегодняшней жизни в свою раковину.

— Если бы жизнь поставила меня перед каким-то серьезным выбором, то я, разумеется, бочку предпочел бы банку. Дело не в том, что я не могу угнаться за жизнью: мне это неинтересно — вот я и не бегу. В конце концов то, что делает и чему радуется человек, определяет вера. И необязательно вера в Бога, которая дает нам покой и уравновешенность, — это совсем другой разговор. Можно верить и в деньги, и эта вера замечательным образом слепит тебя и твою судьбу. Надо знать, зачем ты живешь, и тогда не столь важно, чем ты занимаешься, бизнесом или наукой.

— Значит, вы не в обиде на сегодняшнее время?

— Я не думаю, что сейчас стало меньше хороших людей. Хаму нынче легче высунуться на свет Божий, но количество добрых старух от этого не изменилось, и талантливых ребят не убавилось.

Меня, как и вас, пугают корреспонденции, авторы которых пишут об ужасах сегодняшней жизни. Но их составляют люди, которые сами бегают внутри пожара: для того, чтобы понять время, надо от него дистанцироваться. Когда и где было хорошо? Мольеру, что ли, жилось сладко? Тогда бы он не пошел играть спектакль, когда у него горлом шла кровь: что делать, ему надо было платить неустойку. За Галилеем следил родной сын! Можете вы представить такую ситуацию? По мне Павлик Морозов был ничуть не хуже.

Люди остаются теми же — ваши ежедневные заботы бесконечно похожи на то, что было десять, двадцать, сто лет назад. Да и вопросы нас занимают точно такие: что есть жизнь, как быть со смертью, как найти свое место и относиться к своему дару? Понятия сегодняшнего и ушедшего времени вообще относительны: прошлое, например, позволяет предсказывать будущее... А я не в обиде ни на то, ни на другое.

— Ваше детство прошло в чудесном доме: об остроумии и находчивости вашего отца, Виктора Ардова, по Москве ходили легенды. У вас бывали Зошенко, Пастернак, гостила Ахматова, и вы были своим человеком в ее доме...

— Я всем обязан глубочайшему пониманию жизни и доброте Виктора Ефимовича, замечательного писателя-сатирика и прелестного человека. В советские времена его дар был не ко двору. Ардова отовсюду выгоняли: сперва из «Крокодила», затем — из других изданий. Под конец, чтобы не дразнить собак, он писал под псевдонимом. У него был чудесный, едкий, спокойный юмор. Как-то мама и Анна Андреевна собрались на Рижское взморье. Мама выехала первой, прибрала домик и принялась бомбардировать Ахматову (она тогда жила у нас) телеграммами: приезжайте, жду, почему не едете? А та не делала этого потому, что тогда как раз вышло постановление о Зошенко и Ахматовой. Маме телеграфировал Виктор Ефимович — «дура, читай газеты...».

— Вы многое умеете: прекрасно рисовали, были счастливым обладателем корреспондентского удостоверения, писали книги, снимали отличные фильмы, очень интересно занимались радиорежиссурой, вы преподаете...

— Да, и из-за этого я много упустил в актерском деле. Но это же спасибо мне от истеричных собраных на Таганке, от сегодняшнего

МХАТа... А что до кино — где бы я мог сегодня сниматься? Не идти же мне на съемки только для того, чтобы меня не забыли. Забудут и так: ведь кино теперь не смотрят. Я занимаюсь только тем, чем хочу, — это большая роскошь, это же моя жизненная позиция. У меня много проектов: лежат планы двух книг, есть что ставить в театре, есть работы для радио и телевидения... Но делать что-то ради того, чтобы участвовать в общем танце, я не буду.

— У меня часто возникает ощущение, что для того, чтобы человек вполне реализовался в своем деле (и не только в актерском), многообразие талантов и хорошее образование скорее обуза. Воспитание и разносторонние интересы удерживают нас на месте — важно погрузиться вздохнуть и, не глядя по сторонам, рвануться вперед...

— Да, вы правы, это помеха. Конечно, я не настоящий артист. Настоящие актеры Евстигнеев, Райкин, Смоктуновский... Они этим жили, страдали без ролей, вне этой профессии их бы не было. Актер — это постоянное играние, а я играл не так много.

— Нет ли у вас ощущения обделенности?

— Все дело во внутреннем равновесии, которое дает любимое дело. Успех тоже важен, но важнее, чтобы человек, которому ты доверяешь, сказал: «Молодец, сегодня было хорошо». А карьера... Это неблагоприятное дело. Чеховский банкир, который в интересах бизнеса сам себе покупал ценные подарки к юбилею, всегда вызывал у меня величайшее уныние. А я ведь знаю вполне преуспевающих людей, которые на свои дни рождения сами преподносят себе серебряные самовары, чтобы об этом написали в «ТВ-парке» и «МК»... Я не умею торговать лицом...

— Вы много занимаетесь благотворительностью...

— Я и сам знаю, что такое настоящая беда — у меня дочка лежит в церебральном параличе. Вот я и стараюсь помочь другим, и это — уж поверьте — единственное, чем стоит заниматься, это самая прямая, самая короткая, самая нужная людям дорога к счастью. Надо помогать не абстрактной молодежи, не старикам вообще, а конкретному нищему, конкретному больному, старухе, которая ходит в целлофановых пакетах вместо калош...

Все началось с того, что отец Борис, настоятель церкви Всех скорбящих на Покровке, начал ходить по больницам, собирать помощь, затем ему стали помогать другие люди (в том числе и я), потом при Марфо-Мариинской обители образовалось что-то вроде добровольного общества...

Еще при Брежневe мы построили больницу для церебральных, а сегодня приходится ее защищать — там хотят устроить платную зуборабочную клинику. Кое-что нам удается сделать — помните концерт в помощь больным детям, в котором приняла участие Монсеррат Кабалье? Вместе с ней участвовали дети из 20 стран мира — больные дети, которым не то что играть на сцене, двигаться не положено! Вот это я, когда настанет мой черед, и предьявлю Богу.

Сейчас вы спросите, счастливым ли я человек. Ну, конечно, счастливым, какое тут может быть сомнение! С годами начинаешь понимать, что дело не в лаврах и заработках, а в том, чтобы тебе хотелось помочь человеку — любому человеку, необязательно кому-то из твоих родных и близких.

Я хорошо прожил свою жизнь. Да, неплохо, да, без больших карьерных всплесков, но я никого не оскорбил, ничем не поступился, есть люди, которые вспоминают меня добром.

А это не так уж мало, правда?

Алексей ФИЛИПОВ, «Известия».